

Долинская Е.Б.,
заслуженный деятель искусств РФ,
доктор искусствоведения, профессор,
Московская государственная консерватория
им. П.И. Чайковского,
Почетный профессор,
Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей

Война и мир: уроки музыкальной литературы

«Почему я здесь, а не там, с Вами, в Москве», – писал Н. Метнер родным в столицу весь период Великой Отечественной войны. Над своим рабочим столом он повесил карту СССР и флажками обозначал победные продвижения войск Красной Армии. В ее фонд Николай Карлович передал гонорар от своего последнего концерта в Лондоне родным.

Вынужденно ставшие эмигрантами,¹ выдающиеся русские композиторы, до конца жизни оставались великими гражданами своей Родины, помогать которой в годы Великой Отечественной войны чувствовали себя призванными. С.В. Рахманинов, как известно, помогал буквально всем, кто обращался к нему и до начала войны, но особенно в военные годы. На Родину он посылал поезда, нагруженные медикаментами, приближая день победы, до которого ему не суждено было дожить. Приближаясь к жизненному исходу, каждый из них работал над крупным полотном. Рахманинов создавал «Симфонические танцы» (осталась запись работы Орманди при подготовке премьеры).

Н.К. Метнер же, переживший Рахманинова на семь лет (на которые был моложе главного друга своей жизни) оставил о нем удивительные свидетельства в 1933 году. С образами утраченной Родины композитор связал несколько своих поздних сочинений. В их числе и «Русская хороводная» для двух фортепиано, третья «Эпическая» соната для скрипки и фортепиано,² и Третий фортепианный концерт, программный замысел которого снова связал с образами «Русалки» Лермонтова, что уже воспевал в одной из своих ранних импровизаций для фортепиано.

Особой интенсивностью было отмечено творчество отечественных композиторов, младших современников Рахманинова и Метнера, эвакуация которых обернулась лишь временным пребыванием в городах, что являлись конечными пунктами «дорогой жизни», находящихся, например, в Закавказье или в Средней Азии. Н. Мясковский и С. Прокофьев, связанные, как и Н. Метнер с С. Рахманиновым узами огромной, поистине великой дружбы, были эвакуированы в Нальчик и Алма-Ату, где создавали новые композиции в разных жанрах. Прокофьев, как известно, отложив свои предвоенные планы, еще в Москве начал работу над «Войной и миром». Первая версия оперы в виде литературно-музыкальной композиции была исполнена в Большом зале

¹ Николай Карлович Метнер (1880-1951) и Сергей Васильевич Рахманинов (1873-1943).

² Первоначальный замысел этого опуса – концерт для скрипки с оркестром, но без Сергея Васильевича, видимо не решился на создание симфонической фрески.

консерватории. Затем последовали «Баллада о мальчише», оставшаяся неизвестной (на стихотворение П. Антакольского), и музыка к фильму М. Савченко «Партизаны в степях Украины». Откликом Мясковского на начало войны стало написание Симфонии № 22 в 1941 году, которая хронологически является первым симфоническим откликом отечественных композиторов на начавшуюся войну.

Оказавшись же в Нальчике Прокофьев, Мясковский и А. Александров обратились в своих работах к кабардино-балкарскому фольклору (тетрадь с записями народных напевов, приехавшим музыкантам предоставил Хату Темирканов, отец выдающегося петербургского дирижера). Замечательные образцы народной музыки легли в основу симфонии-сюиты № 23 Мясковского, оперы А. Александрова «Бэла» и квартета № 2 «Кабардинского» С. Прокофьева.³ Стоит напомнить, что огромный интерес последнего к фольклору разных народов (русскому, еврейскому, кабардинскому, казахскому), ознаменовался в годы Великой Отечественной войны началом работы над комической оперой «Хан Бузей» (материалы к ней были заимствованы из знаменитого сборника Затаевича «1000 казахских мелодий и напевов»).

Те же из композиторов, кто по разным причинам оставался в двух столичных городах, как, в частности, Д. Шостакович (уже в 1941 году обошли весь мир фотографии молодого композитора, дежурившего на крыше дома в осажденном Ленинграде). В своем родном городе он создал Седьмую симфонию, мгновенно облетевшую весь мир как музыкальное свидетельство композитора, очевидно охватившего в звуках не только трагедию страшного нашествия, но и предощущение быстрой победы, на которую так надеялись все жители разнонациональных пятнадцати республик! Теме войны и мира Шостакович посвятил и Восьмую симфонию с ее огромным психологическим накалом и мемориальной второй темой, посвященной жертвам фашизма и войны.

На фронт тогда уходили, нередко добровольцами, многие, включая творческую молодежь, в частности, студенты консерватории. Из класса профессора Д.Д. Шостаковича ушел талантливый Вениамин Флейшман, не успевший дописать свою оперу «Скрипка Ротшильда». Партитуру погибшего юноши завершил Дмитрий Шостакович и впервые озвучил Геннадий Рождественский. Тема геноцида евреев с тех далеких военных лет глубоко повлияла на образный мир музыки Шостаковича. Сразу после войны он написал скрипичный концерт и вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии».⁴

Завершим наши уроки «Музыкальной литературы» небольшим обобщением жанрового характера. Сама панорама жанров военных лет,

³ В Алма-Ату С. Прокофьев прибыл по вызову С. Эйзенштейна для совместной работы над фильмами «Александр Невский» и «Иван Грозный».

⁴ Их публичное исполнение стало возможным лишь в 1953 году. Напомним, что идеологическая расправа с выдающимися деятелями отечественной культуры в 1948 году делала невозможным их премьеру в год написания. Отзвуки еврейской темы будут ощущаться и в 8-ом квартете, и в первой части 13-ой симфонии.

совершенно свободна от цензурных посягательств, обозначила в виде лидеров песню и симфонию. Первая в силу своей мобильности и демократизма музыкального языка поднимала дух, мобилизовывала борющийся народ с чумой фашизма. Маршевая ритмика первых военных массовых песен (например, «Вставай страна огромная») перекликалась со знаменитым плакатом «Родина-мать зовет!», позже сменилась на лирические воспоминания о доме, семье, любимой девушке. Эти песни уже звучали от первого лица, в частности, «Темная ночь» или согревали мягким юмором «На солнечной поляночке».

Симфоний же, с их способностью к обобщению, крупным планам, в годы войны было создано несколько десятков и в них обобщались героика и патриотизм, вера в победу и непобедимость Красной Армии, защитившей мир от гитлеровских зверств. Прокофьев посвящает свою 5-ю симфонию «Родной земле», Г. Попов называет свою 2-ю симфонию «Родиной», А. Хачатурян создает 2-ю симфонию как звуковой монумент, где главным становится образ Колокола, ведущий для отечественной музыки, в частности, М. Мусоргского и С. Рахманинова. Глубокий идейно-художественный смысл этого образа раскрывается в известной строчке Э. Хэмингуэя: «По ком звонит колокол – он звонит по тебе». Его тревожный набат призывал каждого встать в строй во имя победы над фашизмом, а образ колокола стал символом трагической эпохи.

В когорту поздних сочинений Рахманинова входят Третья симфония, «Вариации на тему Корелли» для фортепиано, «Рапсодия на тему Паганини» для фортепиано с оркестром и «Симфонические танцы». Глубина их замысла пронизана глубоким трагизмом, мучительной тоской по утраченному. Не случайно и в «Рапсодии», и в «Симфонических танцах» звучит тема *Dies irae*, как символ неумолимости рока (напомним, что этот мотив также звучит и в «Острове мертвых», и в «Колоколах»).

«Симфонические танцы», последнее сочинение Рахманинова, написано в 1940 году, когда в Европе уже началась Вторая Мировая война. Как и в 3-ей симфонии «Симфонические танцы» пронизаны образами России: лирические звучат как воспоминание о ней, особенно в контексте неумолимо жесткого и сурового ритма. Современники Рахманинова и Метнера свидетельствуют, что последний не сразу принял прозренческую суть и «Симфонических танцев», а в 1918 году недоумевал и не сразу осознал необходимость отъезда Сергея Васильевича. 1 ноября 1941 года Рахманинов дал концерт, в котором прозвучали Вариации *A-dur* Моцарта, Соната *op. 111* Бетховена, Новеллетта *fis-moll* Шумана, Бах – Рахманинов Соната *E-dur*, Рахманинов «Маргаритки», Шуберт – Таузиг «Контрабасист», Шопен – Лист «Желание». Весь гонорар от концерта, а также пожертвования Александра Зилоти, Альберта Галлатина и С. Сатиной вместе с чеками на сумму 3920 долларов были направлены в Русское консульство как дар на покупку медикаментов для пересылки в Россию. «Это единственный путь, каким я могу выразить мое сочувствие страданиям народа моей родной земли за последние несколько месяцев» [1]. А 25 марта 1942 года, также из США Рахманинов пересылает 4166 долларов на приобретение рентгеновского оборудования в адрес Всесоюзного общества культурных связей с заграницей следующие строки: «От одного из русских посильная

помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу» [2].

Литература

1. Письмо С. Рахманинова из Нью-Йорка М. Левину (глава концертного бюро в Америке) от 19 ноября 1941 года // С.В. Рахманинов. Письма. – М., 1955. – С. 548.
2. Там же. – С. 551.